

Охотничьи рассказы – часть 1 – начало

«Инстинкт охотника позабыт лишь от сытости...» - обычно так начинал Сергей травить байки в кругу гостей. Ни день рождения, ни Новый год не обходились без его увлекательных историй, отшлифованных временем и торжествами. Наиболее любимы были три, несмотря на повторение, казавшиеся свежими, поскольку каждый раз обростали новыми подробностями.

***

Медведь

Кто-то клюкву на базаре покупает, а я сам ее собираю. Причем прямо на работе, на одном из нефтяных промыслов, как говорится, не отходя от кассы. Там, неподалеку, преет болото, где эта кислая, но дюже полезная ягода в конце лета растет густо, почти впритирку. Причем хорошая клюква,

крупная. Там пасутся все наши. Место тихое, спокойное, не испорченное промышленным освоением, и ведет туда старая заброшенная дорога, проложенная до давно уже не действующей геологоразведочной скважины. И вот как-то раз по ней я и направился урожай посмотреть, а ружье с собой не взял. Что, думаю, лишний раз тяжесть таскать?

Примерно через километр лесок закончился, и открылась знакомая трясина с разбросанными то тут, то там небольшими озерцами. Я сошел с дороги, уходящей в топь и побрел по краю болота, посматривая на лежащую ковром ягоду. Урожай обещал быть хорошим, но недели через две. И тут аж дыхание перехватило...

Метрах в пятидесяти от меня двигался бурый бугор. Над ним парило плотное облако мошки. Через шаг осознал – медведь. Знаете, друзья, видеть этого зверя на фотографии или на телеэкране – это совсем не то, что встретить его в одиночестве и без оружия. Не знаю, заметил он меня или нет. Я в короткие мгновения столбняка, охватившего меня, разглядел его очень хорошо.

Довольно крупный и жирный медведь, преследуемый гнусом, быстро сновал туда-сюда. А потом взял да прямо на болоте перевернулся на спину и стал тереться о его неустойчивую почву, хватая лапами воздух. Все его тело ходило ходуном, словно бы на шарнирах. От царя леса веяло большой физической мощью...

Сразу вспомнилась другая встреча с медведем, происшедшая со мной на рыбалке. Я тогда натянул болотники и отошел подальше от берега, чтобы наживку на глубину забрасывать. Стоял, удил. А клев хороший был. Рыба словно отроду не ела. Одну за другой таскал из мутной водицы. Снимал с крючка и, почти не оглядываясь, на берег выбрасывал. Аж все позабыл от такого клева и находился почти в прострации. Вдруг слышу, звуки странные позади меня раздаются, похожие на чавканье и урчание. Оглянулся. А там медведь мою рыбку уплетает. И

бежать-то некуда. Обмочился я со страху до самых стелек. Стою, не двигаюсь, будто нет меня, как родители учили поступать при встрече со злыми собаками. Медведь слопал мою рыбку и ушел в лес, не обратив на меня никакого внимания. Но в этот раз его кормить было нечем, только мной...

Я очнулся и, понемногу ускоряясь, чтобы не привлечь к себе внимание зверя, двинулся назад. Болото хватало за ноги, но я благополучно добрался до дороги, а там уж дунул. Когда показался промысел, то, наконец, решился оглянуться и штаны пощупать. В этот раз сухой вышел, а позади никого не оказалось, никакого движения, только сосны угрожающе покачивали ветвями, как взрослые иногда грозят детям пальцем: «Осторожнее будь, не ты здесь хозяин».

Заяц

Где-то по осени прихватил я ружьецо и отправился на озеро, располагавшееся тоже неподалеку от промысла. Заблудиться сложно – на многие километры в округе виден газовый факел. Сказал, что нефтепроводы пошел проверить, а у самого одна мысль в голове: как бы птицу пострелять.

Но, как назло, живности никакой. Только пара нырков, вытянув длинные шеи, плавала в середине озера. Они, конечно, большие утки, но пальчики не оближешь. Питаются рыбой, водорослями и чем еще - одному Богу известно. Их стойкий неприятный запах и привкус ничем не выводится, даже уксусом. Да, собственно, нырков было и не достать. Ну не бросаться же в воду за их тушками.

Огорчился. Уже который день неудача. Но делать нечего – пошел назад.

Озеро уже почти исчезло из виду. Вот и граница редкого

леса, за которой начиналась большая вырубка, сплошь покрытая кочками, замшелыми пнями и трухлявыми стволами деревьев. До промысла оставалась всего сотня метров, когда краем глаза я уловил какое-то быстрое движение. «Собака», – подумал я, но на всякий случай замер и огляделся.

Из-за дальней кочки выглядывали ушки, и явно не собачьи. Обладателем таких ушек мог быть только заяц. Я очень осторожно снял ружье, стою, жду. Через какое-то время из-за укрытия показалась голова косога. Она мгновенно исчезла, как только я двинул стволом ружья в его сторону.

Я замер. Многолетний опыт охоты на зайца говорил, что тот непременно еще раз вы-глянет. Уж очень любопытны эти животные. Им обязательно надо знать, кто тут бродит. Так и получилось. Перехитрил я его.

***

Гусь

На Крайнем Севере спрятаться некуда. Растительность чахлая. Утка тебя издалека видит. Дома же, под Челябинском, есть любимое мною большое озеро, поросшее высоченным камышом высотой метра с два. На этом озере останавливаются бесчисленные стаи перелетных птиц.

И вот как-то отправился я на очередную охоту. В пять утра был на своем плесе - это такая лужайка в камышах. Присел на стульчик, закрепленный на вбитых в дно озера кольях. Через некоторое время слышу: шум, словно табунок летит. Но вокруг камыш и ничего не видно. Жду, когда живность надо мною покажется или хотя бы над озером.

Сбивать надо знаючи. Если упадет утка в камыши, то ее вовек не найдешь. Сколько там дичи пропадает!

Не летела живая птица к стае моих пенопластовых уток, покачивавшихся на мелких волнах. Я нервно поглаживал пальцем курок в готовности пальнуть. Утка опускается резко. Времени на раздумье: секунда-две. Бить надо, как по летающим на стрельбище тарелкам. Вот и сидел я на плесе, словно на заостренных обрубках камышей, которые здесь собственноручно выкосил.

Канонада на озере то вспыхивала, то затихала. Чувствовалось, что птица неактивная. Пара уток пролетела вдалеке... и все. Сероводородные запахи разлагающейся растительности стали куда ощутимее. Малость загрустил... Тут смотрю - гусь летит. И как низко! Я стрельнул. «Бах! Бах!» Но гусь не отреагировал. Настроение совсем иссякло. Застыл в не-подвижности, обдумывая неудачу. И тут слышу увесистый шлепок о воду неподалеку. Поднимаю глаза и вижу: возле моих фальшивок присоседилась настоящая утка. Да еще какая! Не промахнулся.

Обычно дичь в обед не летает. Охотники выходят на берег и отдыхают. Я же, вдохновленный успехом, остался на плесе. И не напрасно. Вижу, ко мне низко-низко летит еще один гусь, сопровождаемый почетным салютом охотничьих ружей. С берега раздались крики: «Гусь летит, стреляй!»

Мощная птица попыталась улететь от меня, но на свою беду передумала. Я, сдерживая волнение, быстро перезарядил ружье: заменил патроны с мелкой дробью на патроны с самой крупной. Первый выстрел гусь пережил, после второго - кувыркнулся. Престижная добыча. Эх, какая

потом получилась шурпа, это такой суп наподобие ухи, с той разницей, что вместо рыбы в нем томится утятина! Под водочку очень вкусно.

«Нефтедобытчики, матерые волки Крайнего Севера, на работу направляются именно в лес...»

Телевизор включился точно полседьмого. Ночную тьму разорвал набирающий силу свет, раздались бодрые голоса. Сергей проснулся, схватил пульт, нашел седьмой канал, где транслировали температуру. В правом нижнем углу экрана значилось минус девятнадцать. Невероятно тепло. Он удовлетворенно выдохнул, оторвался от теплого тела спящей жены, умылся, позавтракал, из холодильника набросал в авоську снеди, заготовленной еще с вечера, оделся и вышел на улицу.

Его ничто не выделяло среди сверстников, кроме озорного блеска в глазах, пружинистой спортивной походки и легкого на добрую шутку языка. Степенно падал легкий предновогодний снежок, он громко и весело скрипел под подошвами, прогоняя сон и неприятие работы. Сергей вспомнил о скорых праздниках, к которым он уже подготовил ящик «Мартини», о том, что в его доме вновь соберутся друзья и родственники...

От ярких слепящих фар, за которыми тащились неясные силуэты машин, теням на дороге было тесно. Вереница вахтовок и ведомственных автобусов разных марок ехала в обоих направлениях. Они притормаживали, захватывали своих людей и ехали дальше. Но народу на остановках меньше не становилось. «Здорово», «здорово», - звучало то здесь, то там...

Его автобус пришел в начале восьмого. Просторный и теплый. Там уже был народ. И чем дальше автобус кружил по городу, тем больше становилось пассажиров, тем громче звучали разговоры и смех. У городского рынка свернули на «пьяную дорогу», названную так уже давно за то неоценимое качество, что по ней непротрезвевшие, а то и пьяные водители могли выехать из города в обход поста ГАИ. Разговоры стихли, автобус погрузился во тьму, в свете фар замелькали сосенки, обильно росшие вдоль обочины и присыпанные хлопьями снега. Чуть дальше темнела плотная стена леса. В голову Сергея полезли воспоминания...

Женился после армии по большой и внезапно нахлынувшей любви. Ради Аллы он разорвал отношения со своей невестой, честно отождавшей его два года службы, поссорился с родителями, которым нравилась эта скромная и обаятельная деревенская девушка. После свадьбы отношения с родителями не наладились, молодожены сняли квартиру. Жизнь напоминала рай, ради содержания которого он ушел с третьего курса института и до сих пор остался с незаконченным высшим. Алла не отговаривала, ей нравился достаток. А он вкалывал и днем, и ночью сразу на трех работах, перехватывая «халтурки», пока не уехал на Север. Здесь все немного успокоилось, появилась своя квартира, но, глядя на знакомых, которые учились и продвигались вверх по служебной лестнице, он невольно им завидовал, проклинал опрометчивое решение прекратить учебу и в глубине души обвинял во всем свою жену...

«Все мы тут, словно отверженные, не нашедшие счастья в родных местах...» - вдруг обобщил Сергей.

На цеховой базе были минут через тридцать. Промышленный городок блистал огнями. Вдалеке на высоте, на фоне непроглядного неба, различались огромные баки и трубы насосной станции. Неподалеку в ожидании бригад выстроился ряд вахтовок, темнели домики, будочки, и одноэтажное деревянное административное здание. Сергей зашел в него вместе со всеми.

В тамбуре, как напоминание о прошлых праздниках, стояло множество бутылок из-под водки и пива, но заполненных не спиртным, а нефтью, на анализы. На стене фойе примостился новогодний плакат со снеговичками. Возле окошка диспетчера приколот ряд бумажек, среди которых были и приказы, и описание случаев травматизма, и просьбы о денежной помощи.

В коридоре стоял бак с питьевой водой, на нем – кружка. Водитель их вахтовки зачерпнул водицы и крупными глотками жадно пил.

- Что, транспортников опять сушняк мучает? – спросил Сергей и прошел мимо, не дожидаясь ответа.

- Опять елки-палки и теще, и себе? – бросил он встречному, тащившему две стянутые веревкой елочки, и зашел в небольшую комнату, где в ожидании цехового начальства сидело человек шесть. На столе теснились одинаковые черные сумочки с едой. «Когда уже я себе такую куплю?» - подумал Сергей, поставил рядом свою авоську, пожал всем руки и присел на последнее свободное место. Время потекло весело, в ход шел любой повод, чтобы пошутить да посмеяться...

В комнатку занесли большой картонный ящик, похожий на заводскую упаковку от американских окорочков.

- На Новый год курочек жарить будете? – раздался вопрос по той причине, что руководители иностранных фирм, работающих на здешней земле, в отличие от наших хозяев, не забывали завозить своим рабочим на промыслы праздничные обеды.

- Да какое там жарить. Сальники здесь, - ответил вошедший и, открыв коробку, продемонстрировал множество кольцеобразных резинок, наподобие кистевых экспандеров.

- А если бы я такую нес, то меня бы точно служба безопасности арестовала, - сказал армянин, сидевший на ступеньке стремянки. – Сказали бы, что террорист идет. Лицо кавказской национальности...

- А где это президента на семь лет избирают? Не у вас ли?

- Не знаю, но слышал, что в одной из бывших республик его пожизненно избирают.

- А что? Можно и пожизненно. Лишь бы человек был хороший...

- Ходил вчера на лыжах, да под лед провалился, сломал их. Они так подо льдом и остались. Надо сегодня сходить посмотреть.

- Можешь не беспокоиться. Их, наверное, течением уже далеко унесло...

Замелькали самые разные темы.

Обсуждали тринадцатую зарплату. Ругали ночников, т.е. тех, кто работает в ночную смену, за то, что причиняют беспокойство – к ним же технику приходится направлять на кусты. Хаяли и студентов-экономистов, которых, несомненно, учат для того, чтобы на местах порядка

ужесточать...

Вскоре приехало начальство. Сергей вместе со своей бригадой забрался в вахтовку – мощный «Урал», с оранжевым пассажирским салоном вместо кузова.

Жар шумно нарабатывала печка, переделанная из автомобильного радиатора. Салон вахтовки поскрипывал, покачиваясь на непрерывных ухабах. Едва державшаяся на защелке дверь дребезжала. Машина жаловалась на старость...

- Сегодня еще ничего, тепло. Ох и сильно же поддувает через эти щели в хороший мороз, да с ветерком, и никому дела нет, - высказался Сергей. – А как на больничный уйдешь, так потом упреков не переслушаешь...

Дорога, сравнимая со сложнейшим лабиринтом с множеством ответвлений, поворотов, перекрестков, петляла среди пропасти мелкорослых заснеженных лесков. То здесь, то там среди величавого моря тайги встречались отдельные островки открытых, чистых, как белые скатерти, пространств, которые терялись вдали, в бледной дымке. Небо до самого горизонта скрывала плотная занавесь облаков. Начало десятого. Рассвет только-только занимался, полутьма отступала.

Вот и база участка. Станки-качалки согласно кивали балансирами, чем-то похожими на головы кур, клюющих зерно. Только происходило это, как в замедленном кино, и бесконечно, и ненасытно.

Ряд вагончиков. Один из них - жилой. С виду: пнешь – развалится. Но свой, родной. Пятнистая рыжая длинношерстая собака по кличке Балбеска виляла хвостом, пропуская бригаду к туго подпружиненной двери.

В левой комнатушечке сидел на топчане и, склонившись над столом, корпел над рабочими бумагами Игорь, их мастер. Кудрявый седоватый очкарик с помятым уставшим лицом после своего вчерашнего дня рождения. У края стола стояли стаканы, лежал подсохший хлеб да что-то в пакете. На одном из двух стульев уже примостился переодевшийся в робу Гена, самый молодой член бригады, короткостриженный щекастый студент-заочник. На экране старого черно-белого телевизора «Радуга» мелькали какие-то силуэты. Напротив лежала кipa инструкций по технике безопасности. Висели карты, графики и ящик с надписью: «Не влезай – убьет!» На электрической батарее покоилось несколько рабочих рукавиц, блестящих от образовавшейся на них смоляной корки высохшей нефти.

Сергей прошел направо в такую же маленькую раздевалку, где помимо двух топчанов стояла сварная металлическая вешалка, тесно загруженная шмотками. А там, как говорится, в тесноте, да не в обиде, давай переодеваться...

Роба выдавалась не меньше, чем на год. И никого не волновало, если ее зальет нефтью на следующий день после получения. Наша фирма не иностранная, где испачканную робу стирали и возвращали рабочим в фирменной сумочке. Россия проще. Поэтому даже смысла не было надевать новую одежду на работе, лучше родным подарить или продать. Так хоть какая-то польза. Все обмундирование быстро превращалось в хламиду, если жена не постирает: и самая обычная телогрейка, облагороженная синей тканью и эмблемой компании, ватные штаны с лямками и двойной шириной, которую пока расстегнешь...

Вырядившись, как басмачи, матерые волки Крайнего Севера ввалились в комнатущечку мастера. Все были в поношенных грязных куртках и штанах, кто в серых валенках, кто в утепленных сапогах, и все в побитых, поцарапанных касках с эмблемой нефтяной компании, надетых на старые ушанки. Рядом с Сергеем стояло еще четверо: Алик, скуластый молодой парень с открытым взором; Ринат, среднего роста, круглолицый, с хитринкой в глазах; Халил, высокий, уверенный в себе человек, такой, что его уверенность передавалась другим; Алексей Николаевич, худощавый дедок, пенсионер, бывший буровик.

- Гена, бери охотничьи лыжи и марш проверять товарный трубопровод, - начал распределять задания Игорь. - Там упало давление. По этому поводу был телефонный звонок. Не дай бог порыв. Сразу зарплата к чертям полетит. А теперь к плану. Халил и Ринат, садитесь на ППУ (*паропередвижная установка), и вперед, на куст, на отбивку уровней. Сергей, Алик и Алексей Николаевич – на вахтовку. Объехать скважины, снять показания, собрать пробы...

На участке Игоря порядка ста двадцати работающих скважин и примерно столько же неработающих. За каждую он в ответе головой, вот и объяснял ситуацию, вдохновляя на подвиги:

- Сегодня у нас шикарное стечение обстоятельств: две машины и пятеро работающих в день. Сами знаете, что обычно двое-трое. Надо использовать момент и сделать максимум. Вечером выйдут ночники и продолжат. Так что хвост пистолетом, впряглись и до вечера не расслабляться.

Алик, Алексей Николаевич и Сергей по скользким ступеням залезли в вахтовку и поехали.

Первый куст. Неспешно орудовали станки-качалки. Вокруг труб, возвышавшихся в полчеловеческого роста, сталактитами настыл лед. И немудрено, поскольку в них течет вода, закачиваемая в нефтяные платы под огромным давлением.

Все трое, выпрыгнув из вахтовки на свежий снег, сразу направились к спутнику – небольшому железному домику, через который проходит вся добываемая на кусте нефть, где производится ее учет и контроль, где в начале освоения этих земель и нужду справляли, прячась от мороза.

На входной двери спутника пугал трафарет: «Проветрить 20 минут». Но если все делать, как написано, то до вечера не управишься. Таких спутников на участке более тридцати.

- Здесь вентиляторы надо ставить, - каждый раз ругался по поводу этой надписи Николаевич. – Что же, отсюда перчатками газ выгонять? Мать их всех. Не дай бог, искра промелькнет – ведь заживо сгорим в этой печи...

Сергей вслед за Аликом зашел в спутник и сразу ощутил под ногами исходящие от железного пола знакомые тяжелые вибрации, такие же, пожалуй, ощущали лилипуты, разгуливая по груди великана. Выталкиваемая из-под земли смесь газа, нефти и воды под напором насосов пульсировала в ритме сердечных сокращений. Он оглядел оборудование, в приказном порядке самими же покрашенное, и, вспомнив, как махал кистью, высказался:

- Ведь на всем экономят. Нет, чтобы специальную бригаду нанять. Так нас же заставили красить. Платить не

надо. Халява. Везде халяву любят...

- Нечего стоять, трепаться. Идите пробы отбирайте. Я тут и один управлюсь, - сказал Алик, записывая карандашом на испещренный лист бумаги показания приборов.

Сергей и Николаевич пошли к станкам, неся в руках нехитрое оборудование. Сергей взял самую обычную старую пластиковую бутылку из-под пива с рваным отверстием в боку. Этим отверстием он насадил бутылку на открытый обрезок трубы, приваренный к магистрали, и повернул краник. Зашипело, засифонило. В бутылку понемногу потекла коричневая жижа. Сильно запахло газом.

- Интересно, кто придумал такие примитивные приспособления? – высказался Сергей, немного отстраняясь, чтобы не забрызгаться. - Ведь такая известная компания могла бы и солидно все обставить. Такие бабки зарабатывают! А все потому, что еврей сибирскую нефть качает...

- Да кому это надо, кроме нас? Наверняка люди сами доперли. Потому что деваться некуда. В пригоршню же не будешь пробы собирать. А работу выполнять надо, - заворчал Николаевич. – Это только недоразвитые негры могут работать таким образом. Все отдано на откуп баранам, а не мыслящим людям...

Сергей собранные пробы переливал в типичную стеклотару, где раньше держали алкоголь. Заполненные нефтью бутылки ставил в пластмассовый товарный ящик, рассчитанный на двадцать поллитровок...

Вот так и прошли по всем скважинам.

- Это ты вчера за бутылками ездил? – спросил Сергей.

- Да. В лаборатории девчонки только успели их помыть и посушить. Сорок штук оттуда привез, - ответил Николаевич.

Внимание привлек один из насосов.

- Вот тебе и сальник, - сказал Николаевич, показывая на место, где под действием качалки скользил туда сюда шток глубинного насоса. – Набивка уже вылазит. Слабое место...

- Надо менять, - согласился Сергей. – А то как выдавит его, так опять будем в минус сорок в фонтане купаться. Помнишь, как задвижку давлением сорвало? Она же, как ракета, улетела, хорошо хоть никого не задела. Потом нефть сверху душем опустилась, а я только новую телогрейку получил...

Он говорил, ругался, но не стоял на месте, переходил от скважины к скважине, брал обрезки труб, надевал их на небольшие штыри переключателей и двигал туда-сюда. Отрезки труб служили рычагами. Они лежали возле каждой качалки, будто нельзя было сразу сделать все по уму...

Первый куст отработан. Все втрое пошли к вахтовке, забрались в нее и поехали дальше...

Такая работа. Приезжаешь на место, выпрыгиваешь из салона с высоты примерно в полметра, делаешь, что требуется, забираешься в машину - и дальше. Остановок за день достаточно, работа до того однообразная, что иной раз нагоняет тоску. Спустя годы кажется, что все гайки и задвижки можно крутить с закрытыми глазами, в любом состоянии опьянения...

Николаевич на ходу стоял в салоне вахтовки и придерживал за ручку входную дверь, боясь, что та

откроется.

- Да брось ты ерундой заниматься, а то начальство увидит, и припишут тебе в обязательку дверь держать, а ремонтировать ничего не будут. Садись, - сказал в конце концов Сергей.

Кусты отличались лишь защищенностью лесом от ветра, числом станков-качалок, звуком проходящей через спутники нефти. В большинстве точек добываемая жидкость совершенно неромантично журчала...

Тары-бары-растабары стали спонтанно все чаще возникать в вахтовке.

- Эх, бедновато на кустах, - вздохнул Сергей, покачиваясь на ухабах.

- Деньги до нас не продавливаются. Они же сверху поступают, и на каждом все более низком уровне их становится меньше и меньше, - дал свое обоснование ситуации Николаевич. – Это где-то в офисах ремонты делаются, плитку кладут да компьютеры покупают, а у нас как было при социализме, так и осталось. Ведь столько скважин набурили, что и сейчас им ума дать не могут. А, может, бурили так...

- Вот и наши парогреи, - сказал Алик.

Машина притормозила, и троица в очередной раз прыгнула на твердую почву.

Средь густого облака пара, то появляясь из него, то исчезая в нем, деловито разгуливал Ринат. Пар с резким свистом вырывался из «копья» - металлической трубы, нацеленной на замерзшее оборудование.

- Как дела? До обеда-то управитесь? – спросил Сергей.

- Вряд ли. Только первую скважину заканчиваем, -

ответил Ринат. – Замерзла сильно. Все парим, и никак. Пробки льда лезут и лезут.

Он ушел к ППУ, вернулся с небольшим компьютером и через металлизированный шнур подключил его к скважине. На небольшом экранчике выскочила информационная кривая, похожая на кардиограмму. До поверхности смеси нефти с водой в этой точке было более километра, а давление в трубе равнялось девяти с половиной атмосферам.

- Хорошо придумали. Все данные остаются в памяти компьютера и доводятся до начальства без искажений. Эти приборы недавно появились, - старался перекричать шипение пара Ринат. – Не то, что раньше, чтобы узнать уровень нефти, по устью трубы ладонью хлопали, били и отсчитывали секунды до возврата эха. Потом по скорости звука определяли расстояние...

- Кое-что из оборудования и в низы продавливается. Эх, дед, все бы тебе языком трепать, - сказал Сергей и похлопал Николаевича по плечу.

- Вспомню, как приходилось вручную отбивать скважины на участке, так вздрогну. В неделю весь фонд пройти! Во-первых, то бумага потеряется, то карандаш сломается, – продолжал Ринат. – Во-вторых, да идет оно к лешему, сойдет и на глазок...

Тут его внимание привлек Николаевич, отправившийся в тыл станка-качалки, на котором велись работы.

- Ну-ка иди на хрен оттуда! – понеслось вслед деду. – Запустим, потом пойдешь. Всякое же может быть. Это же железо. Ты там вообще не должен находиться.

Ринат обернулся к Сергею и посетовал:

- Горе с этим пенсионером. Хоть много лет на Севере, а в нашем деле он - начинающий. Быстрее бы истекли его полгода, которых ему не хватает до губернаторской пенсии.

- Поговорить любит, треплет языком что попало. Все уши прожужжал, - согласился Сергей. – Но с другой стороны, жалко бедолагу. Всю жизнь пропахал, а толку ни на грош. Где ж она достойная старость?

Степенно подошел Халил:

- Что-то много времени мы угробили на этом станке. Оборудование сильно промерзло. Пришлось насос останавливать. Возможно, и на других качалках то же самое. Надо поторопиться. Завтра ППУ могут и не дать. А если морозы ударят? Задел не подготовим, вот тогда посидим, поговорим...

Алик подтянул шланг к следующей скважине и принялся обдувать ее паром, Ринат схватил полное ведро кипятка и давай поливать им оборудование (но об этом опять молчок, а то ППУ не будут давать), да и остальные забегали...

Сергей вышел на границу кустовой площадки, к электрической подстанции, и сразу окунулся в белое безмолвие, о котором он мечтал когда-то, перечитывая Джека Лондона. Никакого движения. Не видно ни полетов птиц, ни следов зверей. В глубь неподвижного непроглядного серо-зеленого леса, где даже ветка не шелохнется, уходили покосившиеся столбы линии электропередачи. Продолжал падать снег, но уже не так густо, как утром. Он оглянулся - позади медленно вращались маховики, напоминая о работе. От них исходит

тихий шуршащий шум моторов. Он поднялся по железным ступеням подстанции...

У каждого своя доля. Сергей, Алик и Николаевич оставили Халила и Рината рядом с ППУ и их проблемами, сели в вахтовку и поехали дальше. Николаевич опять разговорился:

- В моем общежитии сплошной бардак. Черт-те кто шляется по комнатам. Просят то на бутылку, то на сигареты, то на шприцы. Задрали. Кто бы порядок навел? Могут и в четыре часа ночи постучаться. А мне утром на работу... Бомжей развелось. Да как тут не обомжиться? Здесь лет пять надо работать – не больше. И проходи реабилитацию на Кипре не меньше года. Но кто этим будет заниматься? Вот мы все тут опускаемся. Поработай в таких условиях, и психология бомжистой становится. Да и здоровье садится основательно. Что с этим поделать?

Сергей слушал Николаевича и понимал, что в его словах есть доля правды: «Конечно, дед имел в виду не прямое значение слова «бомж», как лицо без определенного места жительства, а внешнее сходство. И тут есть о чем задуматься. Вот Пашка, друг, попал в колонию. После выхода его из заключения встретились. Тот был в гражданской, нормальной одежде, а держался, как на зоне: ссутулился, голова спряталась за плечи, взгляд настороженный. Жизнь накладывает отпечаток. Но, как говаривал Жванецкий: «Мы этого не замечаем, не замечаем, не замечаем...»

Тем временем Николаевич, любивший поговорить, когда есть свободные уши, зацепил другую тему:

- А вы знаете, почему нам никак зарплату поднять не

могут? Государственные законы не позволяют. Хозяева и рады, но не могут. Ведь если они много нам платить будут, то сразу инфляция начнется. Рубль опять кубарем полетит, да цены на продукты подпрыгнут. Вот государство и строжит. Не смей...

Сергей и Гена удивленно переглянулись.

- Ты б, Николаевич, закусывал иногда...

- Нет, я серьезно...

В этот день качалки работали исправно, и это было видно издалека. Трубы без инея, шток блестит...

Время к обеду. Возвратились на базу. Операторы и мастер принялись строчить отчеты о работе. Должности хоть рабочие, но все больше бюрократии становится, чтобы крайнего легче было искать. Потом операторы достали свои сумочки, а Игорь обратился к Сергею:

- Не доставай сумочку, поехали со мной, надо еще раз давление посмотреть на коллекторах.

- Так обед же, поесть надо.

- Ничего, по пути в столовую заедем, там и перекусишь вместе со мной, а с провизией твоей ничего не случится: брось в холодильник за окном, завтра съешь.

Сергей знал, что в таких случаях лучше не спорить, а то расчетка в конце месяца не больно порадует, да и надеялся он, что в ближайшем будущем мастер его выдвинет на повышение по разрядам...

По пути они обсуждали, что работы и требований становится все больше и больше, а зарплата не растет.

Отдельно Игорь напомнил о своей многотрудной жизни:

- Вам-то что? Отработал, да спать. А у меня ночные и праздничные дежурства, которые дополнительно не

оплачиваются. Отрабатываю на хозяев, как проститутки перед бандитами. Могут вызвать на работу посреди ночи. Да и к технике безопасности отношение ныне очень серьезное. Мастера тут одного уволили, всех рабочих в бригаде премии лишили, а остальных по всему предприятию заставили пересдавать экзамен, только за одно замеченное нарушение...

Игорь глянул на Сергея, подумал: «Как бы где не всплыло то, что я говорю», - и добавил:

- Но вместе с тем я считаю, что все требования правильные, и привыкнут люди, и будет все как положено. Ведь инструкции не зря написаны. За ними жизни человеческие.

Небольшая столовая. Раньше в ней бывало столько народу, что хвост очереди на улицу выходил. Теперь такое случалось крайне редко. За раздачей томилась в ожидании клиентов пара поварих. На прилавке стояли ряды компотов, заветрившиеся зимние салаты, винегреты. В поддонах желтело жидковатое картофельное пюре, манили рыхлые котлеты, куриные окорочка да вчерашние булочки-витушки с маком...

Игорь сел с мастерами. До Сергея донеслось:

- Все понемногу улучшается. Бардака меньше. Меньше людей, которые без дела шастают...

Живот после съеденного не болел, изжоги не было, да и голод до конца рабочего дня о себе не напоминал, наперекор шутливым напутствиям ребят из бригады...

После обеда курили на улице. Игорь вспомнил детство:

- Дорога в школу пролежала через спортивный городок военной части и я, проходя мимо, любил зацепиться за

турник. Сделаю «солнышко» разок-другой и - в школу. Возвращаюсь – сделаю пару кульбитов на брусках и - домой. Солдаты с восхищением смотрели, как я вертелся на их спортивных снарядах. Но как-то захотел выпендриться.

Замыслил крутнуться на турнике, держась за перекладину одной рукой. Но кисть не выдержала, подломилась, пальцы разжались, и я вниз головой полетел к земле. Благо, что в волейбольной секции приземляться научился. Смягчил удар руками, подогнул голову, на плечо, кувырок ...прыжок... и на ноги, под всеобщее «Ах!»...

Мой отец долгое время служил офицером в Германии. Мотоциклы «Ява» тогда были в большом дефиците, но мне он купил такую машину. И я не щадил ни ее, ни себя. Любил лихачить. И как-то раз нарвался на встречный УАЗ.

За несколько мгновений до столкновения продумал все возможные варианты и решил, что лучше врезаться в правую фару, а приземлиться на ровный участок обочины на границе с кюветом. Отпустил руль, высвободил ноги и после удара полетел. Три кувырка, подпрыгнул, ощупал себя. Цел...

Вот только спустя годы после тех кувырков у меня шея побаливает, и рука плохо гнется, но это не мешает работать. Умею быстро принимать решения и «кувыркаться», а это нынче ценится. Кстати, недавно получил в пользование, для работы, английскую рацию.

Удобная штука. Для оперативности вещь необходимая. Не надо к телефону ехать. Еще обещают наши вагончики заменить, а те, что есть – в ремонт. Хотя мне кажется, что их уже не восстановить. Их же из чего попало собирали. Им уже лет десять, как минимум.

- С водителем нам повезло, исполнительный, везде возит, – вспомнил Сергей.

- При чем тут повезло? Просто я его машину всегда заказываю. На эту вахтовку спроса нет. Смотри, какая старая. Но водитель хороший. Можно сказать – редкостный.

- Я тебе откровенно скажу. Нам скважины надо осматривать два раза в день. Водилам, что были у нас раньше, неохота непрерывно ездить по кустам.

Происходило много скандалов. Они говорили: «Что я вам - такси?» А нашему брату порой спорить себе дороже, и зачастую не ездили мы второй раз. Если в этот момент скважина останавливалась, то до следующего осмотра на морозе она сильно промерзала. Потом затрахаеться ее запускать, и нефть теряли...

- Да я что, не знаю? Сколько говорено на эту тему...

А в это время на базе участка отобедавшие Халил, Алик, Ринат и Алексей Николаевич вспоминали прошлое. Гена слушал.

- ...Я приехал в эти места в октябре. Сразу бросили на промысел. Вокруг лес и снег, метель и холодища. Шло мощное освоение. Не утихал шум техники. Высилось множество буровых вышек. Ночью - светло от прожекторов. Нашей бригаде дали железный сарайчик, где даже печки не было. Благо, хоть кровати с матрасами. Спали в фуфайках, натянули на себя все, что было теплого. На следующий день быстрее буржуйку делать. Уже вечером развели в ней огонь. Наварили супа и бич-каши...

- Мы в таком же вагончике жили, и как-то зимой погас свет, застыли качалки, похолодели электрические печи. Вначале волновались за нефть, как бы трубы не замерзли.

Потом смотрим: самим бы выжить. Вагончики быстро выстыли, и в них стало холоднее, чем снаружи. Пришлось под открытым небом всю ночь жечь костры и прыгать, чтобы со-греться. Пообморозились. А утром подача электричества возобновилась, приехало начальство, задобрило...

- Морозы раньше были не в пример нынешним. Гораздо сильнее. Помню, как дало ниже минус пятидесяти. Аж дымка низкая повисла, словно тучи к земле придавило тяжестью неба. И в товарной трубе стала образовываться ледяная пробка. Уже тогда нефть с водой шла. Причем пробка норовистая была. Мы с ней больше двух месяцев воевали. Вы-режем участок трубы, пробьем лед, заварим отверстие, пустим нефть. Через пару часов замерзло. И опять по новой...

- Ох, да в любую погоду на буровой. По зиме бывало, не успевали от теплого балка и на сотню метров отойти, как лицо прихватывало. Но как дружно жили! Двери в квартиры никогда не запирали. Такого не было, чтобы человек вышел на трассу, и никто его не подвез. А как гуляли, какие песни пели! Тогда, в отличие от нынешнего времени, буровик шел с высоко поднятой головой...

- Тогда даже инструмента на месторождениях не было. Что из дома привезешь, тем и работаешь. Только фуфайки выдавали. Даже валенки сами покупали...

- В поселке тоже не сладко было. Тарахтела единственная дизель-электростанция. Зима. Включали все электронагреватели, какие имелись. И вскоре прибежал электрик. Кричал: «Выключите хоть часть «тэнов»! Станция глохнет! Мощности не хватает!» Приходи-лось выключать

и ждать, пока потеплеет от дыхания. Поэтому радовались, как дети, когда вдоль дороги поставили столбы электропередачи. Ждали, что вот-вот будет нормальное электроснабжение. Мечтали о телевизоре. Выдумывали лучшее название для будущего города: Нефтеозерск, Снежногорск...

- А как воду поначалу возили с озера, а потом водовозками из соседнего города?! А как с мешками за продуктами за сто двадцать километров ездили, затаривались и обратно?! Чего только не было. И ведь все переживали за общее дело. Вот первый начальник нашего управления, частенько приезжал в бригаду и говорил: «Ребята давайте работайте хорошо. Запомните, что ведро нефти стоит ведро пшеницы». Сколько стоит нефть и пшеница, мы не знали, но боевой дух поднимался. А он беспокойный был человек. Бывало, едем на автобусе, он видит, что задвижка возле дороги стоит, выбегает и к ней прямо по снегу, проваливаясь по пояс. А там к трубе ухо прислоняет и слушает: есть нефть, или нет.

- Раньше как было: скорей, скорей. Сутками пропадали на работе. Если в день где-то два-три часа поспишь – это хорошо. А то вообще спать не приходилось: приехал домой, чаю попил - и опять сюда. А одно время поселок был на грани гибели. Авария по электроэнергии случилась, тепла нет, и морозы стояли сильные. Решался вопрос об эвакуации женщин и детей на землю. Даже чай утром невозможно было попить. Вода, припасенная в банках, замерзала в квартирах. Спали в тулупах, в валенках, в шапках, под матрасами. Как это все перетерпели, непонятно. Молодые. Интересно все было...

По пути из столовой на базу своего участка Игорь с Сергеем заехали проверить, как работает на скважинах их участка бригада подземного ремонта, а затем направились замерять давление в трубопроводе товарной нефти.

Остановились на заснеженном поле, посреди которого торчало множество штырей с подписанными табличками и загородок, внутри которых виднелся металл. Очень похоже на небольшое кладбище с памятниками. Вот только покойнички и надписи другие. Закопаны нефтяные, газовые, водяные трубопроводы. От каждого свой наземный выход. Подписано: «Перемычка», «Дренаж», «Врезка»... Стволами сломанных деревьев темнели выходы кабелей, обернутые в полиэтилен.

Игорь вместе с Сергеем вылез из вахтовки. Они пошли по глубокому снегу от таблички к табличке. Шарили по этому кладбищу в поисках нужной трубы, но так ее и не нашли.

- Видимо, под снег ушла. Поехали в другое место, - сказал Сергей...

Отъехали в сторону, а там еще один памятник за загородкой - будочка, внутри которой сквозь щель между дверцами виднелся манометр. На дверцах висит замок, а ключа с собой, как обычно, нет.

- Надо с манометра снег обмести веточкой, а то его сильно припорошило. Тогда, может, и разглядим, что он показывает, - предположил Игорь.

Сергей и Игорь разбежались в разные стороны, оставляя за собой глубокие впадины следов. Закачались, затрещали деревья.

Через узкую щель отломанной от сосенки веткой Игорь

обмел от снега манометр и разглядел его показания. Девять с половиной атмосфер. Нормально. Можно возвращаться.

- А сколько у нас считается нормальным болеть? - спросил Сергей, вспомнив о дырявой вахтовке.

- Один раз в год – это нормально, - ответил Игорь. – Ну, смотря какие болезни. Есть ведь не только простуда, а радикулит или язва. Всякое бывает. Но мне приходится крепиться. Уйдешь на больничный – можно тринадцатой лишиться...

Вот и опять на базе. Игорь остался. Сергей с Халилом, Геной и Алексеем Николаевичем отправился на вахтовке на повторный объезд скважин.

На сто семьдесят третьем кусте слесари облепили станок-качалку. Звонко работали в две кувалды. А в остальном все по-прежнему...

Вечерело. Три часа дня. Качающиеся балансиры погружались в туман полутьмы. Усилился ветер, но по-прежнему вокруг царствовала глухая тишина леса. Снег и сосны. Маленькие деревца росли уже на самых подступах к промышленной территории. Молодняк. Они в конце концов отвоюют эти места...

В спутниках светло, тепло, кажется, что можно спокойно работать в любой мороз. Успокаивающе гудела вахтовка...

- Вот раньше, при тех ценах, здесь хорошие зарплаты были. Все семьей, вчетвером, в отпуск и обратно – только на самолете. Там на такси. И денег хватало. Сейчас не хватает.

- Вот смотри, что получается. Мое дело за работой насосов следить, чтобы они были исправны, и остальная

техника работала. А что там эти насосы качают, я к этому отношения не имею. Это наверху смотрят. А нашу зарплату привязали к конечному результату, к добыче нефти. Разве это справедливо? Раньше за замеры и пробы нам доплачивали. Сей-час мы делаем то же самое, но эти доплаты сняли...

- А ведь скажешь о наболевшем, так и уволить могут. Ни за что, ни про что. Я-то ничего не боюсь. Начальство трясется за свои места. Как бы чего не всплыло. А устроиться на работу больше нигде...

- ...А куда уходить? Профессию можно менять, пока молодой. В нашем возрасте надо смотреть, как бы не прогадать. Вот один мой знакомый ушел в Пурпе. Получать стал 19 тысяч в месяц. Неплохо. Но там, видать, смотрят, откуда люди бегут, взяли да подравняли зарплату. Теперь он 14 тысяч получает и думает, как бы назад...

- А мой сосед в Нижневартовск уехал и возвращаться не думает...

- Поздно подался на Север, - каялся Алексей Николаевич.

- Я вот приехал в девятнадцать лет, - сказал Халил. – Если бы не девяносто первый год и не девяносто восьмой, то можно было спокойно жить. Тогда же спать легли – нормально все было. Проснулись – наполовину раздетыми. А сейчас что делать? Ждать, пока опять разденут? Вот тебе и государство. Помню, как знакомые поехали отсюда за машинами. Но пока ехали, цена на автомобили в два раза поднялась. Слов нет – одни междометия. У них на дорогу денег нет, не то что доплачивать. Хорошо хоть генеральный выручил...

- Вот что ты, пенсионер, тут делаешь? – вдруг обратился Халил к Алексею Николаевичу, хитро подмигнув Сергею и Гене. – Не хватает тебе пенсии, вот и работаешь.

- А куда деваться? – ответил тот. – На эти стариковские деньги как жить? Вот до пятнадцати лет северного стажа дотяну, чтобы получить повышенную северную пенсию и льготу по переселению, а там хватит.

- Не слышал я, чтобы переезжали, - ответил Халил.

- А вот посмотрим, - сказал Алексей Николаевич. – Если перееду, то расскажу.

Уже темно, а темнота рождает пересуды...

Опять куст, опять на подножку и вниз.

«Один день так попрыгать – это ничего, - размышлял Сергей. - А вот годы попрыгаешь - и спина, и ноги уже болят. Да сердечко пошаливает, ведь, как пожарники, работаем. Все время в ожидании. То ничего, то аврал...»

В вечерней тьме маховики качалок уже не на кур ходили, а на драконов, готовых пыхнуть огнем в любой момент. Цивилизованный человек проник черт-те куда, где жить-то ему вовсе не положено. Понастроил среди девственной когда-то тайги. Разогнал зверье, потравил рыбу, крепко потеснил хантов и ненцев. И не на пользу себе. Ведь не зажил народ лучше...

Маховики все гонят нефть. И уже навевают грусть и даже некоторое раздражение. Сергей по привычке умножил добытую на их участке нефть на ее рыночную стоимость. Все оживились, обсуждая полученный результат, на фоне которого их зарплата просто терялась.

- Ну куда им столько? – прозвучал безадресный вопрос. – Сколько нефти ни качай, зарплаты все равно почти нет.

Ведь миллионами тонн! И все как в прорву...

Незаметно рабочий день подошел к концу. Вот и снова – базовый куст. В конце рабочего дня все стало едино настолько, что Сергей даже не узнал его. Вдалеке полыхал огненный газовый факел. Пламя с силой вырывалось из далекой трубы, как из огнемета, как будто один из сказочных драконов очнулся и занялся привычным для него делом...

Сергей зашел в раздевалку, снял робу, оценил ее затрапезный вид и сразу вспомнил, как ругался по этому поводу с Игорем.

- А ты знаешь, что в зарубежных компаниях увольняют, если одежда у рабочего грязная. Грязь на одежде – признак нарушения технологии. Значит, ты где-то не так встал или не доглядел... - читал нотации Игорь.

- Слушай, ежу понятно, что никто в нефти по собственной воле купаться не будет, - распалился тогда Сергей. – Морозы, оборудование старое, вот и аварии. Вы же сами запчастей не даете. Наверху что-то рассчитывают, увеличивают формальный срок службы деталей, какую-то экономию ищут. А механизмы от расчетов дольше не работают. Тут как хочешь, так и справляйся. Много трубных соединений, сальников, а внутри нефть под давлением почти в десять атмосфер. Естественно, что то тут, то там выскочит. Это не говоря о порывах в магистральных, когда аврал, когда как грудью на амбразуру, лишь бы фонтан быстрее перекрыть. А на прошлой неделе, когда обнаружили течь в трубе, проложенной по дну озера. Неужто забыл, как пришлось долбить лед, а потом быстрее в эту прорубь лезть и надевать хомут? Там некогда следить

за чистотой одежды...»

- Да ладно. Я же понимаю... - пошел на попятную Игорь...

Сейчас он с кем-то разговаривал по телефону.

- ...Сегодня удачный, беспроблемный день. Остановок и порывов не было. Шли плановые работы. С добычей немного плоховато, но это внутрисменный простой набежал. Догоним. Бывало хуже...

Все вышли на улицу, переодетые в очень даже добротную зимнюю одежду: дубленки, теплые шапки да сапоги.

- Ну что, если сейчас добычи не будет, так зайдешь домой, перекусишь, схватишь с собой сухой суп - и сюда на ночь, кувыркаться? – спросил мастера Халил.

- Да, может, придется вернуться и искать дополнительные тонны нефти, - ответил Игорь. – Не впервой. А ты что думаешь? Два ночника и я перелопачиваем за ночь очень много. Если надо, так поедем по скважинам, будем отбивать уровни, искать потери. Вот на прошлой неделе был порыв – там теряли. Только компенсировали эту потерю в добыче, как на скважинах снизился дебит. Отслеживать эти моменты – это ваша каждодневная текущая работа, добытчики нефти. Но на сегодня отдыхайте. Завтра, если не выйдем на нормальный уровень, то поглядим, может, всем придется подключиться...

Автобус от базы цеха отправился в город почти в полшестого вечера, когда ветер острыми ножами усиливающегося мороза прорезался сквозь толстый мех дубленок и свитеров, заблаговременно загоняя людей в

теплый салон. Сергей упал на сиденье. Нестерпимо хотелось покоя, томила легкая усталость. Да и остальной народ в автобусе уже не шумел, как утром...

Вскоре заискрилась мозаика теплых огней городских пятиэтажек. Зашныряли фары легковых автомобилей. Перемигиванием цветов поприветствовал встречный светофор. Накатило чувство облегчения и даже какой-то отстраненности. Причастность к делу крупной российской компании сделала нефтяной город в глазах Сергея совсем каким-то мелким и несопоставимым по масштабам, местом отдыха от работы, от главной жизни.

«...хотя ведь неизвестно, на что работаем. Раньше ясно все было. Города строили, родину укрепляли. А сегодня для чего живем? Все хапают, сколько могут. Вместо зрачков – доллары. Все деньги с продажи нефти за границей оседают и неизвестно на что тратятся. Может, на них террористы где-то дома взрывают да людей убивают. Может, все мы тут потенциальные преступники... - грустно думал Сергей. – Но ведь семью кормить надо. Все-таки – добытчик я. Тут уж не до политики. Вот житуха пошла...»

Дома он был в шесть часов вечера, завтра опять на промысел и неизвестно, что преподнесет этот следующий день.

«Деньги не пахнут, пахнет процесс их получения...»

- Мам, а мам, давай собачку купим, ну давай... Ты только представь, какая она ласковая, как с ней приятно играть... - хныкала месяцами дочка, пока не добилась своего...

- Санька, действительно, давай купим собаку, а то ты вечно на работе. Мы уж забыли, как ты лаешь, -

съехидничала Света однажды. - Дочка извелась вся. Учиться хуже стала.

- Света, собака – это для частного дома. Где ей тут жить? – защищался муж, выросший в деревне. – У родителей сторожевой пес во дворе. А здесь... он все в шерсти уделает да изгрызет. А кто его выгуливать будет?

- Я, папочка! - пообещала Вика.

Она села отцу на колени и, глядя его по голове, произнесла заклинание:

– Папочка, ты же такой добрый, такой милый, самый лучший на свете. Ну давай собачку купим...

Очарованный папочка не смог возразить, хотя понимал, что четвероногого друга, скорее всего, придется выгуливать ему.

Маленькая беззащитная овчарочка обошлась дорого. Хотелось ввести в дом не незнакомца с неизвестной родословной, а кого-то вроде графьев или князьев, только с собачьим уклоном. Так и назвали собаку – Графиней...

Как Александр и предполагал, несмотря на все клятвы дочери, выгуливать Графиню пришлось ему. Рацион у нового члена семьи сложился совсем не плохой. Достаток в семье был, и собачка наворачивала на манер главы семьи.

Прошло чуть больше года. Графиня превратилась в большую собаку с лоснящейся шерстью, крупными клыками и грозным басистым лаем. Чужих не любила, на радость семье. Но на беду была сукой...

Семейный совет прошел бурно.

...Случка пройдет только через мой труп. Надо ее стерилизовать, и у нас не будет никаких проблем. Да и для здоровья Графини это неопасно. Я узнавал, - угрюмо произнес Александр.

- Вы изверги, изверги! Вы ничего не понимаете даже в собачьей любви. Вы сами-то уже не целуетесь. Непонятно, как я у вас родилась. Пусть хоть собака поживет нормальной жизнью! Мама, ну хоть ты что-нибудь сделай!

– выкрикнула Вика.

- Слушайте, что я предлагаю. Сейчас все подрабатывают. Давайте и мы попробуем. Собака у нас породистая. Найдем такого же кобеля. И подзаработаем на продаже щенков, - предложила жадная до денег Света.

- Да вы не понимаете, что такое несколько щенков сразу. Вам, что Графини было мало? – резко спросил Александр и, немного подумав, задал еще один вопрос:

– А сколько ты думаешь подзаработать?

- Смотря сколько она родит. Думаю, что несколько тысяч заработаем, - сказала Света. – А там, если все хорошо получится, можно перейти и на постоянную торговлю щенка-ми...

Александр умолк. Дочка повисла на шее у матери.

Собачьего мужа подбирали, как автомашину. Графиня тоже оценила его, и время по-шло... На свет появилось шестеро прекрасных щенков.

- Если через пару месяцев продать каждого по две тысячи, то получится – двенадцать, - объявила Света вечером того же дня.

- Неплохое подспорье, – обрадовался муж.

Рядом с балконом он отгородил небольшой покрытый досками и тряпками полигон. Там и разместилась счастливая собачья семья.

Графиня по-барски лежала, а шестеро маленьких собачат то припадали мордочками к ее животу, то копошились вокруг. Картина умиляла. Почти каждый вечер Александр, Света и Вика рассаживались вокруг и смотрели на новую жизнь.

Первое время щенки вертелись и гадили вокруг счастливой мамы. Уборка не представляла больших сложностей. Правда, запах из логова исходил не очень приличный, да Графиня запаршивела и ослабла так, что на улицу, по нужде, ее приходилось выносить на руках, но Александр видел в этом временные трудности, с которыми

он привык справляться.

«Надо держаться», - приказал он мысленно сам себе, но сдался уже скоро...

День, когда щенята смогли перелезть через загородку своего вольера, стал знаковым в жизни человеческой семьи. В небольших лужицах по всей квартире стали мокнуть ноги Александра, Светы и Вики, носки и колготки их гостей. А вездусущее дерьмо превратилось в бедствие.

Квартира засмердела. Щенята припадали к вымени все чаще и дольше. Графиня ела в два раза больше обычного.

- Не пора ли продавать щенков? - напомнил Александр.

- Пожалуй, что и пора, - согласилась Света и переспросила дочку:

- А ты как думаешь?

- Мне они не мешают, - ответила Вика, которая целовалась со всем щенячьим выводком. - Пусть и остаются.

- Нет уж. Бизнес, так бизнес, - резко сказал Александр. - А то скоро собаки нас из квартиры выживут...

Объявления о продаже щенков появились на улице, в газетах и на телевидении. Вечерами хозяева стремительно реагировали на каждый телефонный звонок, ожидая услышать: «Всего за две тысячи продаете?! Оставьте мне одного, я скоро буду у вас». Но в телефонной трубке чаще раздавались голоса друзей, знакомых и родственников. А если кто и интересовался щенками, то только узнав цену, говорил «хорошо» и вешал трубку. Что означало это «хорошо», Александр и Света так и не узнали, поскольку никто за щенками не приходил...

Так миновал еще месяц, и еще один. Тем временем у щенков появились зубы, и им потребовалась отдельная миска... Накопления, спрятанные в шкафу, под горкой белья, стали таять...

- Света, давай сбавим цену, что-то не идет торговля, - предложил за ужином Александр.

- Ты в своем ли уме, дорогой? Ты посмотри, сколько денег на них ушло! Они же жрут больше нас, всех вместе взятых! А сколько мы отдали хозяину кобеля, сколько за привив-ку... забыл?! – набросилась на мужа Света.

- Не надо на меня орать. Ты посмотри, во что они квартиру превратили. К нам в гости уже никто не заходит.

- Ну и хорошо. Хоть собутыльников в квартире стало меньше. Собачки ему, видите ли, не нравятся! Идите ко мне, мои миленькие...

Первой пострадала балконная дверь. Ее низ собачки обглодали, как сахарную косточку. Затем в цементном порошке перед балконом появилась нора. И она с каждым днем становилась все шире. Щенятам для роста зубов требовался кальций, и они его искали везде. Даже под обоями, которые были наклеены совсем недавно и стоили ох как недешево.

Собачий молодняк заинтересовался и мебелью... А как-то раз, встав утром с постели, Света не нашла своих любимых английских тапочек. Их клочки валялись в коридоре. Света впала в истерику.

- Сволочи четверолапые! Что вам не доставало?! Гады неблагодарные! Ведь все по-грызли!.. - кричала она, глядя на щенков.

- Выпей, дорогая, я тут накапал тебе, - сказал муж, протягивая рюмочку...

Объявления стали появляться еженедельно, а цена на щенков - падать.

Тысяча, восемьсот, пятьсот. За пятьсот рублей удалось продать двух собачьих детей, которым к тому времени было уже по четыре месяца. И снова – тишина. Полмесяца ни одного звонка.

Когда во время очередного ужина четверо оставшихся щенков забежали на кухню, достали передними лапами поверхности стола и начали принюхиваться к содержимому тарелок, Александр закричал:

- Все, хватит бизнеса! Раздавать будем! Бесплатно!
Света побледнела, но подчинилась.

Вышло объявление: «Отдам щенков в хорошие руки».
Неизвестные забрали еще двух собачат, и все.

Александр и Света, глядя на свою изгрызенную и пропахшую псиной квартиру, проклинали тот день, когда им захотелось подзаработать на продаже собак. В конце концов они увезли оставшихся песиков в пригород, где их отдали первым встречным.

« Домашние кошки – животные бесполезные и даже вредоносные. Они не дают молока, не несут яйца, не охраняют жилище, да и на нервах играют не всегда приятные мелодии. Их шерсть можно найти повсюду, и даже в тарелке супа. Они заполняют квартиру малоприятным запахом, дерут когтями обои, ковры и обшивку кресел, метят территорию так, что их проделки порой можно обнаружить только спустя годы... Но вместе с тем эти пушистые создания находят всепрощающую любовь. Вот уж парадокс...»

- Таня, ты не приглядишь за моим котом? - спросила Зоя накануне отпуска у соседки-домохозяйки.

- Даже не беспокойся. Езжай, - ответила безотказная Татьяна.

Хотя, говоря откровенно, она ненавидела кошачий запах. Он просачивался к ней из подъезда, особенно сильно, когда Зоя открывала дверь в свою квартиру. Это произошло и сейчас. У Татьяны на мгновенье помутнело в глазах, и ей показалось, что у соседки возле носа топорщатся самые настоящие кошачьи усики и даже шерсть кое-где проглядывает, а зрачки-то точь-в-точь, что косточки от маслин.

- Тогда пойдем ко мне, я тебе покажу, что где лежит, – услышала она.

В коридоре Зоиной квартиры лежал бельгийский ковер, который кот давно превратил в отхожее место. Можно предположить, что он не жаловал иностранщину или замысловатые узоры вызывали у него неприглядные ассоциации, а может, его нервировал запах синтетики, что он стремился поскорее его перебить чем-то родным... так или иначе, но кот игнорировал кошачий туалет и время от времени присаживался на ковре, хвост распрямлял трубой, остекленевшие глаза устремлял куда-то за грань кошачьего сознания и... пакостил.

- Ничего не могу с ним поделать. Все бесполезно, как об стенку горохом, - жаловалась иногда Зоя.

- Выброси ты его. Зачем он тебе нужен? – говорила Татьяна.

- Ну как же? Нельзя. Все-таки животное. Да и дочка его любит...

Из комнаты в коридор вышла никогда не здоровавшаяся с соседями двенадцатилетняя Ирочка, неся на руках, как маленького ребеночка, здоровенного белого кота. Это создание божье лежало у нее на руках, умиротворенно поджав лапы. Круглые зеленые глаза безразлично уставились на Татьяну.

«Сволочь», – подумала Татьяна.

- Золотце ты мое, - пропела Зоя, взяв его за туловище под передние лапы, так что задние лапищи безвольно повисли на манер хвоста.

Она прижала кошачью морду к своей щеке, а затем нос к носу. Татьяна невольно по-морщилась.

- Зачем нам другой мужчина нужен? Есть у нас мужичок, - пропела Зоя следующий куплет. – Если тебе не трудно, то возьми его к себе, ему без людей тяжело. Деньги на телячьи почки я тебе оставлю. Кроме них он ничего не ест...

Зоя с дочкой уехала, а Татьяна перенесла к себе домой кошачий туалет вместе с его владельцем. Ее дети были

довольны, да и сама Татьяна целых два часа радовалась, пока младшенькая не подбежала к ней и не сообщила:

- Мам, а в коридоре кто-то воду пролил.

От лужицы, растекшейся около обуви, отходили мокрые следы кукольного размера, которые могли принадлежать только белошерстому бандиту. Он, развалясь в кресле, вылизывал лапы. Татьяна вытащила веник и по старой сельской привычке со всего маху огрела зассанца. Кот взвился пружиной, тенью метнулся под диван, и следующие две ночи Татьяна регулярно просыпалась от громкого в ночной тиши, заметающего скреба когтей. Туалет и кот были перенесены назад.

По пропитанному влагой ковру, зажав нос, Татьяна регулярно заходила в Зоину квартиру, держа в правой руке веник. Она укладывала в опустевшую миску новую порцию почек, подливала водички и находила нетронутый туалетный песок. Временами безответно покрикивала на кота:

- Ты где гадишь, сволочь?

Кот с интересом позыркивал на нее со шкафа или из-под трюмо и с каждым днем все больше дичал. Он лазил по шторам, по обоям, разодрал все газеты, лежавшие на журнальном столике... а накануне приезда хозяйки добрался до кастрюли, где Зоя забыла оладьи. Кот стаскивал ссохшиеся лепешечки на пол и рвал, рвал, как будто на каждой был выжарен портрет его надсмотрщицы. За этим занятием его и застала хозяйка.

- Ах ты, мой миленький! - прямо с порога запричитала Зоя, протягивая руки к коту, опасливо отстранявшемуся от нее.

- Пришлось его немного повоспитывать. Хулиганил, - пояснила Татьяна. - Так я и не нашла, где он у тебя гадит.

- Натерпелся, - сказала Зоя, проходя в комнату под чипсовый хруст кусочков оладий.

Кот перекочевал на руки Ирочке. Зоя открыла

шифоньер и там на своих лучших кофтах обнаружила то, что безрезультатно искала Татьяна.

«Вот сволочь. Убила бы за такое», - подумала Татьяна.
- Бедный ты мой, никогда тебя больше не брошу, - жалостливо прошептала Зоя.

А кот, возлежа ветошью на руках у Ирочки, смотрел на всех них абсолютно бесчувственными зелеными глазами.

ХРАП КАК СЕМЕЙНОЕ БЕДСТВО.

«Все козлы когда-то были козлятами, а если припомнить – так даже Иванушками...»

Как Алла его любила! С ума сходила, по ночам рыдала, если увидит со своей подругой. А он, высокий голубоглазый брюнет, на нее – ноль внимания. Помог случай, когда столкнулись на дискотеке. Он извинился. Познакомились. Потом проводил до дома.

Промелькнули безумные ночи свиданий. Отзвучал марш Мендельсона и крики «горько», и вот спустя два десятка лет ее принц полысел, потолстел... Да в придачу к неотвратимым приметам старости обзавелся еще и изводящим душу храпом...

Он опять пришел домой за полночь. Алла сидела на кухне и не вышла, когда хлопнула входная дверь. Резко стукнули слетевшие с ног ботинки.

«Хорошо нажрался», - определила Алла. Послышались громкие шаги, грохот раздвигаемого дивана, знакомый скрип пружин, когда-то волновавший сердце, но теперь приносивший лишь облегчение.

«Наконец-то лег, – подумала Алла. – Пусть уснет покрепче, и тогда я пойду»... Часы нервно пикнули один раз.

«Уже час, завтра на работу», - забеспокоилась она, быстро умылась, накинула ночнушку и прошла в спальню.

Муж крепко спал. Он, раскинув руки, лежал на спине и храпел. Его храп напоминал жужжание шмеля, посаженного внутрь стакана. Шмель метался где-то в районе подушки. Он издавал высокотоновый гул, сквозь который слышалась тонкая вибрация крылышек. Взлетит на секунду-другую, на секунду-другую успокаивается. Опять взлетит, опять успокаивается. Но в отличие от шмеля, этот человеческий экземпляр издавал куда более громкие звуки.

«Черт бы тебя побрал, - подумала Алла. – Надо постараться заснуть». Она отбросила в сторону руку супружника, привычно ткнула его локтем под ребра и легла рядом.

Благоверный что-то пробормотал, почесал ногой ногу, и шмель исчез. Возникло стартерное тарахтение двигателя их автомашины. Процесс этот в отличие от метаний шмеля, шел непрерывно.

«Когда ж у тебя аккумулятор сядет, - забеспокоилась Алла. – Когда ж этот кошмар закончится? Неужели он сам ничего не чувствует? Изверг!» Она приподнялась, уперлась двумя руками в бесчувственное тело и перевалила его на бок.

Из мужниной носоглотки раздались звуки, похожие на рокот металлической лебедки накручиваемой на барабан, сквозь который пробивался цокающий стук стопора.

Пронзительные взгляды на храпуна не наносили тому никакого вреда, тычки под ребра уже не вызывали ответной реакции. Алла вспомнила о тяжелой чугунной сковородке...

Внезапно на кухне басисто загудел холодильник,

подаренный еще на свадьбу. Уж сколько лет Алла твердила: надо поменять эту колымагу, работавшую так, что дрожал пол и звенела посуда. Без толку. Но в этот миг Алла мысленно его поблагодарила. Холодильный агрегат своим ровным рокотом заглушил пронзительный храп мужа. Стало легче. Алла закрыла глаза. Но только показались первые миражи надвигающегося сна, как холодильник умолк... Спать расхотелось.

«Мог бы постараться не храпеть, – размышляла Алла. – Подлечился бы в крайнем случае. Неужели нет никакого лекарства?.. Но с другой-то стороны. Бедный, как он изменился. Работает день и ночь. Конечно, тяжело ему. Пьет же не от того, что ему хочется, а по-тому что надо с тем, с другим договориться. Иначе дело не сдвинется. Ради нас старается».

Раздались всхлипы и постанывания, перемежаемые внутриутробным клокотанием. Будто маленький шаловливый чертик, каким-то непостижимым образом пробравшийся мужу в живот, взახлеб смеялся над Аллиными переживаниями. Но она, наперекор подначиванию нечистой силы, наклонилась над ним, уставшим, и поцеловала его в слегка колючую щеку.

Словно испытав снисхождение благодати, муж перешел на спокойное сопение, похожее на осторожные вдохи-выдохи через свисток. Эти скромные милицейские сигналы очень скоро усыпили Аллу. И ей приснилось, что она опять молода, шла по аллее родного города под руку с мужем, испытывая давно уже забытое пьянящее чувство притяжения к нему. А где-то неподалеку слышался глухой

рокот Черного моря... каковым во сне казались гудение холодильника и хриплые сопящие звуки храпа.

«Придуманно много запахов для отпугивания насекомых, а вот запахи для отпугивания людей придумывать не надо - они всегда при себе...»

Жена брезговала стирать грязные мужнины вещи, а Сам не любил опускаться до дел, которые его отец считал исключительно женскими. Вот и ходил Сам неделями, а то и месяцами в одном и той же одежде, пропревавшей настолько, что снимать ее приходилось очень осторожно, чтобы та не порвалась. Домашние, и даже теща, давно привыкли к тому, что от Самого исходил пренеприятный душок. В Организации, где он работал, не могли притерпеться...

- Чем это у вас пахнет? – спросил молодой специалист, зайдя в раздевалку Организации. – Крыса что ли сдохла?

- Какая крыса? Это разит от самого что ни на есть человека, - сообщил один из старых работников. – Есть тут у нас один. Свыкнешься.

- С этим сложно сжиться, – отозвался другой труженик. – Утром прихожу в чистой одежде, оставляю ее здесь, а к вечеру, как переодеваться, она вся пропитывается запахом этого скунса. Уж что только ни делал: дезодорантом шкафчик обрызгивал и лосьоном его протирал – не помогает.

- Ты думаешь, почему здесь форточка постоянно открыта? Потому что весна? Нет, мил человек. Она в любой мороз открыта, – включилась в разговор случайно вошедшая в раздевалку уборщица. – А если закрыта, так я

дыхание задерживаю и быстрее к окну.

- Да, мужики, ну у вас тут и обстановочка. Прямо газовая камера, – оценил ситуацию молодой специалист. – Поговорите с ним.

- Говорили уже много раз. Да где ты видел, чтобы туалет на разговоры реагировал? Пусть даже ходячий. Домой придет, бутылочку водки опростает, а утром sprysnetся одеколоном - и на работу...

Такие или примерно такие разговоры возникали спонтанно. Они вспыхивали, как упрямые язычки пламени на подпитываемом все новыми углями кострище, когда в коллектив приходил новенький, или Сам раздевался в чужом шкафчике...

Сам помимо того, что не менял одежды, еще и мылся крайне редко. Раньше, когда он ухаживал за будущей супругой, то регулярно посещал бани и душ и даже уши чистил, а после женитьбы и рождения сына он эти занятия забросил. И надо сказать: ностальгии не испытывал. Нет, иногда он посещал баню, но мытье и парилка там были скорее побочными процедурами, поскольку ходил туда Сам, чтобы с друзьями водочки выпить. И вот, кроме своей пахучей одежды, он носил с собой крепчайший запах перегара, на который сотрудники особого внимания не обращали, но сотрудницы, учуяв ядреный коктейль, едва чувств не лишались. И как-то в момент легкого забытья, после очередной бани на него снизошло...

Из кабинета Скунса, которого звали Сам исключительно дома, вышла женщина. Это была Галя, Галочка, секретарша и любовница шефа, в которой тот души не чаял. Сделала пару шагов и упала без чувств...

- Мужики, быстрее «скорую» вызывайте! - раздался тревожный крик. – Опять сотрудница траванулась!

«Скорая» прибыла минут через десять. Пока врач откачивал пострадавшую, медсестра спросила:

- Что здесь произошло?

- Да в кабинете Скунса побывала, к этому женщины очень чувствительны...

- У вас что тут, живой уголок?

- Не то слово – конюшня. Зайдите, сами поймете.

Медсестра зашла в кабинет Скунса и... выскочила оттуда. Она судорожно хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Через секунду закатила глаза и бревном рухнула рядом со своей больной.

- Ну и дела, - только и произнесла собравшаяся вокруг публика.

Из кабинета выглянул улыбающийся Скунс и, увидев два бесчувственных тела, спросил:

- Что случилось? Опять сокращение?

Тут в дальнем конце коридора появилась главная бухгалтерша Организации. Она в сопровождении охранника направлялась к кассе. Ее глаза искрились радостью, каблучки бойко стучали, под мышкой она держала толстенный пакет.

- Петровна, неужели деньги дали? – этот вопрос эхом пробежал по коридору.

- И зарплату, и отпускные, - весело ответила бухгалтерша, приближаясь к месту трагедии.

Тут Скунс, который нет чтобы исчезнуть в своем кабинете, переполненный чувствами пошел обнимать бухгалтершу, поскольку у него начинался отпуск, и на

ближайшие выходные имелись билеты в Сочи. Несчастливая не смогла уклониться от него, в общем-то, невинных нежностей и, вдоволь нанюхавшись, легла рядом с первыми двумя жертвами, по служебной привычке продолжая крепко сжимать пакет с деньгами.

- Да что же это сегодня? От радости, что ли, валятся...- начал было Скунс.

- Слушай, шел бы ты к себе в кабинет, от греха подальше. Мойся хоть иногда, - раздалось из толпы.

Скунс исчез... Белые халаты забрали жертв, и если первые две быстро оклемались, то бухгалтерша попала в реанимацию, где долго жила на аппарате искусственного дыхания и капельницах. В этот же день шеф лично зашел в его кабинет и, стараясь не дышать, объявил Скунсу о лишении премиальных и увольнении. Зарплату и отпускные в Организации выдали только через полмесяца. Скунсу пришлось сдавать билеты на самолет, путевки пропали...

В холодном поту Сам очнулся. И теперь он моется и стирает свои вещи, по крайней мере, один раз в год – накануне отпуска, и повесил табличку «Стучать» на двери своего кабинета, слегка приоткрыв которую после стука, смотрел, кто пришел...

«Чужое мнение – копейка, если это не мнение своего начальника...»

(* На Крайнем Севере машины угоняют редко. Не лень. Гнать некуда в маленьких северных городах, соединенных с землей единственной трассой с постами ГАИ. Вот и ставит народ свои автомобили, где придется.)

Жора не любил махать лопатой, поэтому его

автомобиль простоял под снегом до весны. Всю зиму он перегораживал вход в подъезд настолько, что жильцы, возвращаясь домой, едва проскакивали в узкую щель между Жориной «старушкой» и таким же нахальным микроавтобусом.

Но Жоре было решительно наплевать на общество, он ревностно следил, чтобы на его машину кто-то ненароком не облокотился. А если такое происходило, то Жора, заведя следы на поверхности своего автосугроба, вычислял: кто это мог быть.

Он перебирал в памяти лица соседей по подъезду и случаи, когда кто-либо портил ему настроение, выбирал кандидатуру возможного обидчика и начинал мстить. То пакет с мусором поставит под дверь, то окровавленные перья куропатки, за неимением куриных, кинет под машину, то гвоздь под колесо или пустую стеклянную бутылку...

Можно назвать такие действия подлыми, но Жора придерживался другого мнения: зуб за зуб, глаз за глаз. И тут уж неважно, чей глаз или зуб, главное, чтобы ответ был, и кто-то пострадал...

Во второй половине весны снег сошел, Жора завел машину. Мотор прочихался и не-ровно загудел. На сердце потеплело. Не зря годы отдал Северу...

Солнце встало рано, и его лучи, отражаясь от поверхности луж, напоминали о скором отпуске. Легкая эйфория, сравнимая с состоянием после стаканчика горькой, утяжелила его правую стопу, и Жора незаметно для себя чрезмерно притопил педаль газа.

Машина бежала по лужам, вздымая волны и облака

брызг, как скоростной катер. Жора окатывал проезжающие автомобили грязью и испытывал при этом примерно те же сладостные чувства, как в тот момент, когда соседям под дверь мусор подкладывал.

Впереди возник прохожий. Он вышел на дорогу, обходя лужу на тротуаре.

- Ишь ты, козел, ноги замочить боится, во все светлое выпендрился, да еще и в шляпе, – ругнулся Жора. – Точно - Шляпа. Идет как фон-барон. А на-ка, опробуй весенней распутицы!

Он проехал мимо пешехода, не снижая скорости, окатил того грязной талой водицей, прибавил газу и исчез за ближайшим поворотом. Сердце захлебнулось восторгом. Знай наших! Здесь город трудовой – нечего ходить, как на праздник. Вкалывать надо, а не одежды демонстрировать...

В цехе стол трещал от ударов. Народ «забивал козла». Жора ринулся в гущу трудовых будней.

- Как выходные провел? – спросили его.

- Нормально. Вот машину запустил. Пока не ездил, пешеходы совсем совесть потеря-ли. Прутся прямо по дороге. Учить их надо. Я сегодня окатил одного интеллигента, а то выфрантился и идет, как будто начальник. Меня не обманешь - начальники на машинах ездят.

- Обрызгал и обрызгал. Садись, четвертым будешь, а то скоро Семеныч заявится, и начнется пахота. Хорошо хоть машина у него сломалась. Пешком идет.

Тут пружинная входная дверь с силой распахнулась.

- Это чья там зеленая «шестерка» стоит? – на все помещение прокричал раскрасневшийся Семеныч.

Позади смачно хлопнула дверь, ставя в конце его грозного вопроса жирный восклицательный знак.

Все кто, был поблизости, в том числе и Жора, посмотрели на своего шефа. Тот стоял перед ними в шляпе, плаще неопределенного цвета, из-за облепившей его грязи, и брюках, напоминавших сапоги сантехника. И самое огорчительное, что Жора узнал в нем своего прохожего...

«Влип», – подумал он.

Взгляды забойщиков козла сосредоточились на Жоре. В них сквозила усмешка.

- Что молчите, оглохли? Спрашиваю, чья там зеленая «шестерка»? Кто это меня так уделал? Все равно узнаю. Хуже будет, – грозно повторил вопрос Семеныч.

- Е-мое, Семеныч, ей-богу, не хотел. Сам знаешь, лужи кругом, - оправдывался Жора.

- Ты что же, тише ездить не можешь? На работе так не разбежишься. Ничего, теперь побегаешь. Иди за мной, – приказал Семеныч и направился в свой кабинет...

Жора выкупил испорченный семенычев плащ, его жена постирала семенычевы брюки. Вдобавок к тому Жора подарил начальнику хрустальную вазу и картину. И даже более того, он стал возить шефа на своей «шестерке» и на работу, и по личным делам. Сослуживцы посмеивались и говорили между собой: «Как шестерит!» Но этим дело не ограничилось.

Перед пешеходами Жора теперь робел, опасаясь окатить грязью еще какого начальника. Соседям перестал пакостить, потому что времени и сил на это не оставалось. Ведь не дай бог, Семенычу не угодишь, он может и прошлое вспомнить...

